

ИГОРЬ ПИЛЬЩИКОВ
Военные термины в стихах
Батюшкова и Пушкина

Текстология, лексикология, поэтика
(*слушай, весь гомъ*)

В феврале 1807 года 19-летний Батюшков записался в ополчение и отправился в Прусский поход против наполеоновской Франции. 19 марта, добравшись до Риги, он послал Н.И. Гнедичу письмо, в которое включен стихотворный экспромт «По чести, мудрено в санях или верхом...» Эту безделку поэт не счел достойной тиснения, и она стала известна читателям только в 1870 году, когда П.А. Ефремов начал печатать батюшковские письма на страницах «Русской старины».

В публикации Ефремова зачин стихотворения выглядит следующим образом (забегая вперед, скажу, что в тексте содержится существенная ошибка):

По-чести мудрено въ саняхъ или верхомъ,
Когда кричать: «маршъ, маршъ, слушай», кругомъ,
Писать къ тебѣ мой другъ посланья...
(Батюшков 1870а: 68)

Точно так же напечатано стихотворение во втором издании «Русской старины» (Батюшков 1870б: 551). Л. Н. Майков, редактор юбилейного издания Сочинений Батюшкова, вышедшего к 100-летию со дня рождения поэта, по-видимому, сверил ефремовскую публикацию с автографом, находившимся тогда в собрании известного библиофила барона Н.К. Богусhevского, и сделал несколько поправок (см.: Батюшков 1886: 7–10, 599; Кулешов 1954: 174). В частности, в восьмом стихе он исправил ошибочное чтение *быть* на *выть* (*Кто волкомъ выть привыкъ <...>*), а в начале пятого стиха заменил бессмысленное ефремовское *честенько* на *частенько* (потом выяснилось, что неверно: в подлиннике — *честненько* [VUB RS: л. 2])¹. Однако в начальные строки стихотворения Майков внес лишь незначительные пунктуационные и орфографические изменения:

Работа выполнена при поддержке РГНФ
(проект 11-04-00120а).

По чести

ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ В СТИХАХ БАТЮШКОВА И ПУШКИНА

По чести мудрено въ саняхъ или верхомъ,
Когда кричатъ: «маршъ, маршъ, слушай» кругомъ,
Писать къ тебѣ, мой другъ, посланья...
(Батюшков 1886: 8)

В корпус стихотворений Батюшкова экспромт из письма Гнедичу был впервые введен в собрании, вышедшем в издательстве «Academia» под редакцией Д.Д. Благого (Батюшков 1934: 210–211). Коллекция Богушевского оказалась к тому времени в Вильнюсе (сперва в Виленской публичной библиотеке, затем в библиотеке Вильнюсского университета) (Кулешов 1954: 160–161), и Благой при подготовке издания 1934 года с автографом батюшковского письма свериться не мог. В пятой строке редактору удалось угадать и восстановить наречие *честненько*, а вот глагол *выть* Благой, не доверяя Майкову, поменял обратно на *быть* (ср.: Батюшков 1934: 558). Начальные строки остались без каких-либо изменений.

Двадцать лет спустя текст письма и включенного в него стихотворения был уточнен В. И. Кулешовым в Ученых записках Вильнюсского университета. Исследователь указал правильные чтения пятого и восьмого стихов, а также стихов 16–17: *Очутится пред мной печальная корчма, / Где ветр от всех сторон в разбиты окна дует* (Кулешов 1954: 175); в предшествующих публикациях ошибочно читалось: *печальная картина* вместо *печальная корчма* (вопреки рифмующему слову *сума*) и *со всех сторон* вместо *от всех сторон*. Однако и здесь начальные стихи остались в неприкосновенности. По тексту Майкова с поправками Кулешова стихотворение было напечатано в Полном собрании стихотворений Батюшкова, подготовленном Н.В. Фридманом и вышедшем в Большой серии «Библиотеки поэта» (Батюшков 1964: 77–78).

Между прочим В.И. Кулешов оговорил сделанные Ефремовым и Майковым купюры в батюшковском письме и восстановил в том числе показавшиеся предыдущим публикаторам малопристойными слова *скоты* и *урьльник*. Однако он не решился упомянуть эвфемизм *ни мужескаго члена* и вульгаризм *сцать*, которые узрели свет только в юбилейном издании 1989 года, вышедшем к 200-летию Батюшкова:

«Скажи этим скотам, что я их люблю, хотя они ни мужеского члена не стоят оба <...> Да с миром пребудут твои лары и пенаты, и все домашние боги, и вся утварь, от Гомера до урьльника, да томная твоя Мальвина (собака Гнедича. — И.П.), подобно облаку утреннему, ежечасно кропит помост храма твоего чистейшею росой (т.е. сцят)» (Батюшков 1989: 69–70; ср. VUB RS: л. 3).

В том же издании были впервые разобраны слова, занимающие клаузулу во второй строке батюшковского *impromptu*:

ИГОРЬ ПИЛЬЩИКОВ

По чести мудрено в санях или верхом,
Когда кричит: «марш, марш, слушай!» весь гом,
Писать к тебе, мой друг, посланья...
(Батюшков 1989: 69)

В рукописи гласную в окончании первого глагола можно прочесть либо как *а*, либо как *и* (дужка сверху не замкнута); соответственно, глагол может стоять во множественном либо в единственном числе: *кричатъ* или *кричитъ*. Для того чтобы выбрать верное чтение, нужно понять, что значит *весь гомъ*. Может ли «*весь гомъ*» кричать «*марш, марш, слушай!*», как это происходит в принятой ныне редакции стихотворения?

Нужно заметить, что в автографе во втором стихе нет ни кавычек, ни восклицательного знака: они добавлены публикаторами и представляются собой осужденную в правописании (пунктуации) интерпретацию — к сожалению, неверную. В рукописи обсуждаемое стихотворение начинается так (восстанавливаю чтение *кричатъ*):

По чести мудрено въ саняхъ или верхомъ,
Когда кричатъ, маршъ, маршъ, слушай, весь гомъ,
Писать къ тебѣ мой другъ посланья<.>
(VUB RS: л. 2)

Если это прочтение верно, то *весь гомъ* «кричатъ» те же люди, которые «кричатъ» *маршъ, маршъ* и *слушай*.

Но что же такое *весь гомъ*? Ответ на этот вопрос дал В.В. Виноградов в докладе «Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования» (1945)². Виноградов говорит здесь о миграции слов из профессиональных диалектов и арго в общелитературное употребление:

Вот пример из истории русского профессионально-военного диалекта. В строевом учении начала XIX в. существовала команда *весь-кругом*, и это движение батальона, фронтом назад, делалось медленно, в три приема с командою: «раз, два, три». Но потом — по прусскому образцу — стали выполнять это движение в два приема и самая команда была сокращена и произносилась *весь-гом*. Понятно, что выражения *весь-кругом* и *весь-гом* сначала воспринимались как варианты одного и того же словосочетания. Но употребление выражения *весь-гом* вышло далеко за пределы применения старой команды *весь-кругом*. Оно <...> стало широким символом фронтального формализма и произвола. Таким образом, *весь-гом* стало новым словом, проникшим на некоторое время в стили общелитературного языка (Виноградов 1994: 20; 1995: 17–18).

Публикаторы работы Виноградова не указали, что, описывая употребление и происхождение команды, ученый почти дословно

пересказывает

ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ В СТИХАХ БАТЮШКОВА И ПУШКИНА

пересказывает редакционную заметку к армейской сатире на кампанию 1807 года, напечатанную в «Русской старине» (Мацеевич 1897: 569). В свою очередь, автор заметки опирается и ссылается на воспоминания Ф.В. Булгарина:

Надобно знать, что прежде командовали: «*весь-кругомъ*», и что это движение, фронтомъ въ тыль, дѣлалось медленно, въ три темпа, съ командою: разъ, два, три, а потом стали дѣлать въ два темпа, по командѣ въ два слога: *весь-гомъ* (Булгарин 1848: 185–186).

Виноградов прямо указывает и на «Русскую старину», и на мемуары Булгарина, но, судя по его изложению, непосредственно к тексту мемуаров он не обращался, а ограничился знакомством с журнальной заметкой.

Особую актуальность термин *весь-гом* получил во время Прусской кампании 1807 года, завершившейся поражением русской армии под Фридландом (14 июня 1807 года) и Тильзитским миром с Наполеоном. Батюшков до Фридланда не дошел: 22–27 мая он участвовал в бою под Гудштадтом, а 29 мая был серьезно ранен в Гейльсбергском сражении, после чего попал в госпиталь, откуда был перевезен в Ригу, где лечился в июне — июле 1807 года. Булгарин рассказывает, что после Фридланда некие «поручики Бѣлавинъ и Брöse» «общими силами написали сатирическіе стихи, подъ заглавіемъ: *Весь-гомъ*» (Булгарин 1848: 185). Полный текст сатиры, связывавший неудачи русской армии с введенными в ней новыми «прускими» порядками, был опубликован в «Русской старине»:

Гдѣ ты дѣвалась, русска слава,
Гремѣвшая столь много лѣтъ?
Гдѣ блескъ твой, сильная держава,
Которому дивился свѣтъ?
Померкло все! в е с ь - г о м ъ проклятый,
Лишь выдуманный намъ на месть,
В е с ь - г о м ъ, у пруссаковъ занятый,
Отнял у насъ всю славу, честь!
Когда в е с ь - г о м а мы не знали,
А знали только что впередъ,
Тогда мы храбро воевали,
Страшился насъ галль, турокъ, шведъ.
О, Беннигсенъ! Ты нашу славу
Затмилъ! — перевернулъ вверхъ дномъ...
Мы отдали врагамъ Варшаву
И сами сдѣлали в е с ь - г о м ъ!
Къ Пултуску городу прибыли
И тамъ, пустивъ Перунъ и громъ,

Французовъ въ прахъ было разбили,
А сами сдѣлали в е с ь - г о м ъ!
Въ Прейсъ-Эйлау также одержали
Побѣду знатну надъ врагомъ,
На мѣстѣ тысячи поклали
И сами сдѣлали в е с ь - г о м ъ!
Мы на враговъ пошли въ атаку
И гнали ихъ два дня бѣгомъ,
Производили храбро драку
И сами сдѣлали в е с ь - г о м ъ!
И въ Гейльсбергѣ, о, галль невѣрный!
Позналъ ты нашъ ужасный громъ,
Позналъ нашъ огонь свирѣпый, вѣрный,
Но тутъ³ мы сдѣлали в е с ь - г о м ъ;
Къ Фридланду⁴ мы пришедь мѣстечку
Вотъ здѣсь лишь только со стыдомъ,
Накинувъ пушекъ полну рѣчку,
Въ Россію сдѣлали в е с ь - г о м ъ.
(Мацеевич 1897: 569–570)⁵

Еще один мемуарно-литературный пример на *весь-гом* Виноградов приводит из «Записок о моей жизни» Н.И. Греча (1849–1865): «Общее мнение не батальон: ему не скажешь в е с ь - г о м ъ» (Греч 1930: 387). Можно дополнить лексикографическую коллекцию примером, хронологически более близким к обсуждаемым событиям, — это одно из прошений, сочиненных в 1808 году отставленным от службы мичманом и неудачливым литератором А.Ф. Кропотовым. По словам редакторов «Русской старины», «Кропотовъ, видя, что ему не удается растрогать лицъ власть имѣющихъ, вздумалъ смѣшнить ихъ, и вмѣсто прошеній по общепринятой канцелярской формѣ, принялся составлять просьбы совершенно въ новомъ родѣ, излагая ихъ вычурнымъ, цвѣтистымъ слогомъ, украшеннымъ смѣлыми метафорами и затѣйливыми уподоблениями» (Кропотов 1876: 181). Примечательна сквозная военная метафорика, с помощью которой он описывает свои бюрократические неудачи:

Я, по возможности, отпаливался равнодушіемъ до тѣхъ поръ, пока изощель весь порохъ моего терпѣнія; тогда я рѣшился направить мои марши во всѣ департаменты, и вездѣ прокомандовали мнѣ: *весь-гомъ*! Я скорымъ маршемъ отправился въ вашу переднюю въ надеждѣ получить сигурь великодушнаго вашего благоволенія (Кропотов 1876: 185).

Помимо команды *весь гомъ* в стихотворении Батюшкова обращает на себя внимание команда *слушай* (форма, в русской поэзии достаточно редкая⁶). Точно так же, как прозаические фрагменты батюшковского

письма

письма, стихотворная вставка построена на бурлескном столкновении «высокого» и «низкого» (ср.: Степанов 1926: 86–90; Фридман 1965: 146–153; Шапир 1993: 68–72; 2000: 208–213). Роль «снижающих» стилистических элементов в стихотворении играют, помимо прочего, военные команды. Вместе с *барабанами* и *ужасной клячей* они диссонируют и контрастируют с *музами* и *Парнасомъ*:

По чести мудрено въ саняхъ или верхомъ,
Когда кричатъ, маршъ, маршъ, слушай, весь гомъ,
Писать къ тебѣ мой другъ посланья<.>
Нѣтъ, музы убоясь со мной свиданья
Честненько въ Петербургъ, иль богъ знаетъ куда
Изволили сокрыться.
А мнѣ безъ нихъ бѣда! —
Кто волкомъ выть привыкъ<.> тому не разучиться
По волчи и <нрзб.>? и лаять завсегда.
Частенько погрузясь въ священну думу<.>
Не слыша барабановъ шуму
И крику рѣзкаго осанистыхъ стрѣлковъ
Я крылья придаю моей ужасной клячѣ
И прямо на Парнасъ — или иначе
Не говоря красивыхъ словъ
Очутится предъ мной печальная корчма,
Гдѣ вѣтръ отъ всѣхъ сторонъ въ разбиты окна дуетъ
И гдѣ любовницу нахмурая котъ цѣлуетъ.
Тамъ Фина бѣднаго сума
Съ усталыхъ плечъ валится<.>
Несчастный къ уголку садится
И слезы утеревъ раздраннымъ рукавомъ
Догладываетъ хлѣбъ мякиной и голодной;
Несчастный сынъ страны холодной!
Онъ съ голодомъ<.> войной и Рускими знакомъ.
(VUB RS: л. 2–2 об.)

Сходную функцию императив *слушай* играет в «Домике в Коломне», где он появляется в одном ряду с просторечным *не плошай* и вульгарным *сволочь* (Виноградов 1935: 426–429; Semjonow 1965: 70, 117–121; Перцов 1994: 280; 1996: 174–175; Шапир 2003/2005: 94, 133):

<...> Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь Словарь; что слогъ, то и солдатъ —
Всѣ годны въ строй: у насъ вѣдь не парадъ.

ИГОРЬ ПИЛЬЩИКОВ

IV.

Ну, женскіе и мужскіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровняйтесь, вытягивайте ноги
И по три въ рядъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги;
Держись вольнѣй и только не плошай <...>

У Пушкина «рифмы выступают в образе рекрутов, „мелкой сволочи“, к которой раздается команда на языке военного просторечия» (Виноградов 1935: 427).

В неопубликованных лекциях о «Домике в Коломне» М.И. Шапир обратил внимание на то, что маркированная акцентная форма соотносится сразу с несколькими тематическими лейтмотивами пушкинской поэмы:

В тексте читаем *слушай*, тогда как когда в обычной речи *слушай* — то есть здесь женская рифма стала мужской (Пушкин снова играет с ключевым в поэме мотивом превращения мужского в женское). Тут же вновь возникает военная тема: в слове *слушай* ударение смещено так, как это происходит в военных командах <...> это следствие послоговой акцентуации. Байрон тоже командует собственной музой («March, my Muse!», Don Juan, 15, XXVII)⁸.

Сопоставление с Байроном более подробно развернуто в статье Шапира «Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы»:

Пародийное сопряжение высокого с низким предопределило своеобразие жанра, разнородность которого Байрон выразил посредством оксюморона *Epic Satire* 'эпическая сатира' («Don Juan», XIV, xcix: 6). Этот «гермафродит» (*modo vir, modo femina*) органически вписан в традицию европейского бурлеска, одной из ярких примет которого было «выворачивание наизнанку» мифологических мотивов, начиная с таких неперменных атрибутов классического поэта, как Аполлон и музы, места их постоянного пребывания, источники вдохновения и т.п. <...> Новым было фамильярное обращение к музе <...> понукание ее и даже отдаваемые ей воинские команды: <...> *We'll do our best to make the best on't: — March! // March, my Muse! If you cannot fly, yet flutter; // And when you may not be sublime, be arch <...> = Мы как-нибудь обойдемся тем, что имеем: «Марш! // Марш, моя Муза! Если не умеешь летать, маши крыльями; // А когда не можешь быть возвышенной, будь игривой <...>» («Don Juan», XV, xxvii: 1–3). Русский поэт с музой тоже особо не церемонится <...> Да и по-военному Пушкин командует, но не музой, а вдохновленными ею рифмами:*

Ну, женские и мужские слоги!
Благословясь, попробуем: слушай!
(Шапир 2003/2005: 93–94)

На примере

ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ В СТИХАХ БАТЮШКОВА И ПУШКИНА

На примере батюшковского стихотворения мы видим, что от «*March!*» до «*слушай!*» действительно не так уж далеко: они тесно ассоциируются как типичные военные команды: <...> *Когда кричатъ, маршъ, маршъ, слушай, весь гомъ* <...>

Чтобы исчерпать параллели между произведениями Батюшкова и Пушкина, добавлю, что в «Домике», как и в батюшковском экспромте, мы встречаем бурлескную травестию Пегаса (ср. Виноградов 1935: 428; 1941: 246–248; Гофман 1937: 177; Перцов 1994: 281; 1996: 178–179; Шапир 2003/2005: 94–95):

VIII.

Скажу, рысакъ! Парнасскій иноходець
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодець
Изсохъ. Порось крапивою Парнассь <...>

Таким образом, и в стихах Батюшкова, и в стихах Пушкина «возникают острые формы стилистических антитез и контрастов, создаваемые столкновением и противопоставлением литературно-книжных и просторечных выражений» (Виноградов 1935: 423–424). Разница, и весьма существенная, заключается в следующем: игра со стилями, которая у Батюшкова оставалась в сфере «литературной домашности», допускавшей «шалости» в вольном и даже фривольном духе (Todd 1976: 81–83), у Пушкина проявляется в печатной поэме, адресованной широкой публике: бурлескные формы выходят за пределы узких жанрово-стилевых рамок (Пильщиков, Шапир 2006). Нужно оговориться, что все отмеченные параллели имеют жанрово-типологический, а не генетический характер: пассаж про Пегаса в «Домике» восходит, как мы знаем, не к Батюшкову, а к Экушару-Лебрёну (Ахматова 1972: 33), да и вообще шуточное стихотворение Батюшкова, затерявшееся в переписке с Гнедичем, Пушкину почти наверняка известно не было.

Итак, данные исторической лексикологии позволяют решить текстологическую задачу — установить правильное чтение второй строки стихотворения Батюшкова «По чести, мудрено в саях или верхом...» Эта строчка, неясность которой усугубляется нечетким написанием глагольного окончания в автографе, содержит военный термин — забытую строевую команду 1800-х годов, дающую ключ к пониманию всего фрагмента. А сопоставление батюшковского экспромта с «Домиком в Коломне» показывает, как в литературном контексте профессионализмы, в том числе военные, могут «остранять» традиционную поэтическую символику, создавая комический, бурлескный эффект.

примечания

- 1 Наречие *частенько* начинается другая, десятая строка рассматриваемого стихотворения.
- 2 Доклад, который автор прочитал в 1945 году и начал перерабатывать в статью, был впервые опубликован лишь полвека спустя в двух разных редакторских вариантах, опирающихся на один и тот же корпус рукописных источников (Виноградов 1994; 1995; см.: Добродомов 1995: 269).
- 3 В журнальной публикации ошибочно: *Но и тутъ* (Мацеевич 1897: 570).
- 4 В журнальной публикации опечатка: *Фринланду* (Мацеевич 1897: 570). В воспоминаниях Булгарина эта строка приведена в иной редакции: *Пришли къ Фридланду мы мьстечку* (Булгарин 1848: 185 примеч. *).
- 5 Реальный комментарий к стихотворению см. в издании «Вольная русская поэзия...» (Рейсер 1970: 784). Неверно замечание С.А. Рейсера, будто в стихе 21

(*Въ Прейсь-Эйлау также одержали* <...>) «размер нарушен» (Рейсер 1970: 784): в топониме *Прейсь-Эйлау* последний дифтонг (-*ау*, ср. нем. -*аи*), также как и два предыдущих (-*ей*, -*эй*, ср. нем. -*ей*), передается одним слогом (ср.: Гаспаров 1997: 558–560). Отмеченное Рейсером нарушение размера в стихе 32 исправляю выше, в примеч. 3.

- 6 Ср. позднейший пример — стихотворение И.И. Гольц-Миллера «Слу-шай!» (1864), в котором вынесенная в заглавие строка-рефрен (воспроизводящая окрик тюремных охранников) рифмуется с *то и знай, не плошай, невзначай, выручай, прощай* (Рейсер, Шилов 1959: 661–662).
- 7 Принято чтение: *ходить*.
- 8 Запись С.Ю. Бочавер (20 октября 2004 года). Подробнее о явлении передвижки ударения в командах и приказах см. Пеньковский 2004: 441–442 (ср.: Якобсон 1923: 23; Реформатский 1955: 160).

литература

- Ахматова А.А.: 1972, Герштейн Э.Г., Вацуро В.Э. Заметки А.А. Ахматовой о Пушкине, *Временник Пушкинской комиссии*. 1970, Ленинград, 30–44.
- Батюшков К.Н.: 1870а, Письма Константина Николаевича Батюшкова к Н.И. Гнедичу. [1807], Сообщ[ил] П.А. Ефремов, *Русская старина*, т. I, кн. I, 65–71.
- Батюшков К.Н.: 1870б, Письма К.Н. Батюшкова к Н.И. Гнедичу. [1807], Сообщ[ил] П.А. Ефремов, *Русская старина*, 2-е издание, т. I, кн. I/VI, 549–554.
- Батюшков К.Н.: 1886, *Сочинения*, Со статьей о жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова, написанную Л.Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В.И. Саитовым, С.-Петербург, т. III.
- Батюшков К.Н.: 1934, *Сочинения*, Редакция, статья и комментарий Д.Д. Благого, Москва — Ленинград.
- Батюшков К.Н.: 1964, *Полное собрание стихотворений*, Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н.В. Фрийдмана, Москва — Ленинград.
- Батюшков К.Н.: 1989, *Сочинения*, Составление, подготовка текста и комментарии А.Л. Зорина и В.А. Кошелева, Москва, т. 2.
- Булгарин Ф.: 1848, *Воспоминания Фаддея Булгарина: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни*, С.-Петербург, ч. 5.
- Виноградов В.В.: 1935, *Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка*, Москва — Ленинград.
- Виноградов В.В.: 1941, *Стиль Пушкина*, Москва.
- Виноградов В.В.: 1994, Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования [1945], В.В. Виноградов, *История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных*, Москва, 5–38.
- Виноградов В.В.: 1995, Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования [1945], *Вопросы языкознания*, № 1, 5–33.
- Гаспаров М.Л.: 1997, Иноязычная фоника в русском стихе, М.Л. Гаспаров, *Избранные труды*, Москва, т. III: О стихе, 551–573.
- Гофман В.: 1937, Язык поэзии Пушкина, *Звезда*, № 1, 171–185.
- Греч Н.И.: 1930, *Записки о моей жизни*, Текст по рукописи под редакцией и с комментариями Иванова-Разумника и Д.М. Пинеса, Москва — Ленинград.
- Добродомов И.Г.: 1995, [Рец. на кн.]: В.В. Виноградов, *История слов: около*

- 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных, Отв. ред. Н.Ю. Шведова, Москва: Толк, 1994, *Philologica*, т. 2, № 3/4, 267–280.
- Кропотов [А.Ф.]: 1876, Мичман Кропотов и его прошения, [Вступительная заметка В.А. Семевского или М.И. Семевского (?) за подписью: Ред.], *Русская старина*, т. XVII, кн. IX, 181–185.
- Кулешов В.И.: 1954, Автографы русских писателей, *Vilniaus valstybinio universiteto Mokslo darbai. Visuomeninių mokslų serija*, т. I, 160–175.
- Мацевич Л.С.: 1897, Весь-гом. (Сатира на кампанию 1807 года), Сообщ[ил] Л.С. М[ацевич]ч, [Вступительная заметка Н.Ф. Дубровина (?) за подписью: Ред.], *Русская старина*, т. XII, кн. XII, 569–570.
- Пеньковский А.Б.: 2004, Слоговая сегментация речи в функционально-семантическом аспекте, А.Б. Пеньковский, *Очерки по русской семантике*, Москва, 429–448.
- Перцов Н.В.: 1994, Лингвистические заметки о поэме А.С. Пушкина «Домик в Коломне», *Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике*, Москва, 278–297.
- Перцов Н.В. 1996, О языковом иконизме Пушкина: (Из комментариев к поэме «Домик в Коломне»), *Московский пушкинист*, Москва, [вып.] II, 166–201.
- Пильщикова И., Шапир М.: 2006, Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина: (Набросок концепции), *Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова*, Москва, 510–546.
- Рейсер С.А.: 1970, *Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века*, Составление, подготовка текста, вступительные заметки и примечания С.А. Рейсера, Ленинград.
- Рейсер С.А., Шилов А.А.: 1959, *Вольная русская поэзия второй половины XIX века*, Подготовка текста и примечания С.А. Рейсера и А.А. Шилова, Ленинград.
- Реформатский А.А.: 1955, *Введение в языкознание: Учебное пособие для педагогических институтов*, Москва.
- Степанов Н.Л.: 1926, Дружеское письмо начала XIX в., *Русская проза*, Под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова, Ленинград, 74–101 (= Вопросы поэтики: Непериодическая серия, издаваемая Отделом словесных искусств ГИИИ, вып. VIII).
- Фридман Н.В.: 1965, *Проза Батюшкова*, Москва.
- Шапир М.И.: 1993, Из истории русского «балладного стиха»: *Пером владеет как елдой*, *Russian Linguistics*, vol. 17, № 1, 57–84.
- Шапир М.И.: 2000, *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*, Москва, кн. 1 (= *Philologica russica et speculativa*, т. I).
- Шапир М.И.: 2003/2005, Семантические лейтмотивы иронико-комической октавы: (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров), *Philologica*, т. 8, № 19/20, 91–168.
- Яacobson P.: 1923, *О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским*, [Москва — Берлин] (= Сборники по теории поэтического языка, вып. V).
- Semjonow Ju.: 1965, «*Das Häuschen in Kolomna*» in der poetischen Erbschaft A.S. Puškins: *Text, Interpretation und literatur-historischer Kommentar*, Uppsala (= *Studia Slavica Upsalien-sia*, 3).
- Todd W.M., III: 1976, *The Familiar Letter as a Literary Genre in the Age of Pushkin*, Princeton.
- VUB RS — Vilniaus universiteto biblioteka. Rankraščių skyrius (Библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей), F48 (Коллекция автографов), № 32544.